

Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній свѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! Ничего не значать
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжался!.. Говори—какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ?..
Погибнуть рано, рано мнѣ!..
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣхъ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!»

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.
«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокий, не видать..
Ахъ!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать!..
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!»

Блеснула пашка. Разъ—и два.
И покатила голова..
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнял ее,
И острой пашки лезвие
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, обѣятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и цѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальные удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно!
Сырая ночь недалеко.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючие кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листья.
Ручей катится—мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокий!
Закройся буркою широкою,
Ременный поводъ натиани,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,

Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы теперь.

„Скажи, мой конь! Пугливымъ токомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ..
То змѣй блистаетъ чешуей..
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ..
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ..
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышешь подо мной?

Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребрить,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ:
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джаматскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вокругъ тебя столпятся..
Но стойтъ мнѣ лишь приподняться—
Они въ испугѣ захрапять
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалика,
Что мы съ тобою дѣти рока!»

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ джаматъ спокойно дремлетъ,
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ;
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ..
Его глаза на путь далекий
Устремлены съ тоской глубокой.

„Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривый
Понику усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей..
И думаетъ старикъ согбенный:
„Подарокъ, вѣрно, драгоценный
Отъ милой дочери моей!“

Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Лейлы голову!
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,